

Владимир Хрулёв

*Сборник
прозы*

Владимир Хрулёв

Сборник прозы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17194404

ISBN 9785447452438

Аннотация

Власть и властные люди интересуют меня больше всего в этой книге. Я хотел бы избежать этого фантазийного знакомства, но как это возможно – не знаю. Пусть попробует читатель описать нашу власть, срисовав её с условного Иванова, Путина или Медведева. Поэтому аннотация такая – никакая. Но заявляю, я лоялен по отношению к власти, но замечаю, что смутное время, начавшееся по моим понятиям в середине 16 века, инициатором которого стал Иван Грозный, продолжается и проявляется в наше время.

Содержание

Жестокий царь России	5
1	5
2	27
3	31
4	38
5	45
6	50
Пыхтение недовольных	53
1	54
2	59
3	64
4	68
5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Сборник прозы

Владимир Хрулёв

© Владимир Хрулёв, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жестокий царь России (самое начало смутных времён)

1

Чудищем кажется Россия с такой властью. Но это случилось не враз.

Иван Васильевич трудно подошёл к окну из глубины покоев задёрнутыми по случаю траура черными плотными византийскими шторами и раздвинул их на обе стороны, впус­тив в темноту озарение для себя – не просто божий свет, что высвечивал убого спальню свечами. Но свет живого дня вторгся не просто в божий свет, в тёмной спальне сделалось ещё более прискорбно и наглядно, ибо высветилось за спиной высокое и широкое царское ложе, на котором лежал покойный человек – женщина под дорогой простынёй, прикрытая до самого кончика носа. То лежала Анастасия, первая жена Ивана, прихватившая внезапную хворь и долго мучившуюся перед смертью. Иван любил и жалел Анастасию, пока она была молода и привлекательна, но уже больную оставил её вниманием и устранил от царского ложа, считая, что она должна смириться со своей участью и доживать свой век царицей, но в стороне от его внимания.

Но перед самой смертью царицы сам перенёс её на руках под свой балдахин – умирать царицей. Она сама попросила его об этом, ибо помнила его неистовую любовь на этих перинах и этих подушках и хотела умереть окутанная запахом мужа. Но он так и не пришёл к ней ни на одну ночь – был уже далёк от царицы в мыслях и желаниях. Его занимали больше случайные встречи в переходах дворца с молодыми боярынями и просто с дворцовыми девками. Он так увлёкся своими проделками, что пришлось ему задуматься над собой: не кобель ли Царь, Государь московский, когда под руку попала ему дочь Крымского Хана Девлет – Гирея и он удерживал её в согбенном состоянии то спереди, то сзади, пока девушка не лишилась чувств. Этот случай заставил его остепениться на время. И он провёл последние дни перед смертью Анастасии с ней рядом. Ждал её смерти. И дождался.

России, пожалуй, никогда не везло с исторически удачными властителями на протяжённость такого периода, который был бы точно выбран для этой личности как единственно правильный и единственно принятый сложившимся на тот момент истории общественным мнением. Никогда!

Властители всегда были как бы не ко двору или не ко времени. В них не совпадало сопряжение сторон, то есть они не подходили друг другу, как не подходят друг другу шестерёнчатые колёса разницей диаметров или количеством нарезанных фрезой зубьев.

Мы не будем глубоко зарываться носом во времена веков.

Начнём с Ивана Васильевича Грозного, в царствование которого и забеременела Смутой Россия – с середины шестнадцатого века. И сразу же, только начав, возвратимся к себе – пусть нам то время не покажется столь отдалённым.

Чудище это – зверь дикий и зловонный, множащий себя в злодействе человеческом, в изменах людских и подлостях, в пустословии избитых фраз, ломающий судьбы людские во мраке и тлении. А если что проявится непредвиденное промыслом божьим и просветлится среди свинцовых туч, так это для того, что бы дать передохнуть измученному народу, и передохнувшего снова ввергнуть в пучину терпения и уныния. Когда и где он зародился в нашей земле – никто уже не упомнит.

Иван Васильевич трудно подошёл к окну из глубины комнаты, задёрнутым по случаю траура чёрными плотными шторами, и раздвинул их на обе стороны, впустив в темноту озарение – не просто божий свет, что высвечивал убого комнату свечами, а свет живого дня, отчего в комнате сделалось ещё более прискорбно и наглядно, ибо божий свет дня высветил за спиной высокое и широкое царское ложе, на котором лежал покойный человек – женщина под дорогой простынёй, прикрытая до самого кончика носа. То лежала Анастасия, первая жена Ивана, прихватив внезапную хворь и долго мучившуюся перед смертью.

России, пожалуй, никогда не везло с исторически удачными властителями на протяжении такого периода, который был бы точно выбран для этой личности как единственно правильный и единственно принятый сложившимся на тот момент истории общественным мнением. Никогда! Властители всегда были как бы не ко двору или не ко времени. В них не совпадало сопряжение сторон, т.е. они не подходили друг другу, как не подходят друг другу шестерёнчатые колёса разницей диаметров или количеством нарезанных фрезой зубьев.

Мы не будем глубоко зарываться во времени веков. Начнём с Ивана Васильевича Грозного, в Царствование которого и забеременела Смутьей Россия – с середины шестнадцатого века.

Более трёх лет Елена Глинская, супруга Великого Князя Государя Российского Василия Ивановича, вопреки желанию супруга и народа, не имела детей. Но пришло время и какой то юродивый объявил ей, что вскоре она родит мальчика широкого ума и наделённого двоякими качествами, оттого несущего собой добро и злодейство. И 25 августа 1530 года Царица родила «славного добром и злом в нашей истории» мальчика. Пишут современники, народившегося Ивана, что в самую минуту рождения земля и небо потряслись от неслыханных громовых раскатов и гадатели Великокняжеского Двора, вероятно, сумели дать объясне-

ние такому неслыханному случаю в пользу новорождённого. И не только отец, Великий Князь Василий, но и вся Москва и вся Россия по словам летописца были в восторге от народившегося наследника.

А через три года умер Царь Василий, а перед смертью тихо сказал Игумену Троицкому Иоасафу: «Отче! молись за Государство, за моего сына и за бедную мать его! Поручаю вам особенно: молитесь о младенце Государе!». И Василий скончался, а сын его оставался готовится к своему Правлению на Руси.

Со смертью Василия в людские души российские засел страх, кто людям скажет что будет с Государством? Ведь никогда ещё Россия не оставалась без управления, если забыть о вековой давности. Никогда у неё на глазах не оставался столь юный Правитель с его ненавистной матерью ненавистного литовского рода. И она, Елена Глинская, не могла угодить народу в делах внешней политики да и явная её любовь к Князю Ивану Телепнёву – Оболенскому возбуждали к ней презрение. А коли так, то Бог увидел и услышал укоры людские – и Великая Княгиня юная летами, цветущая здоровьем вдруг скончалась 3 апреля 1538 года без видимых причин.

Внезапная смерть Елены предвещала движения новых фактических властителей Государства и они появились. И среди них первый Боярин Василий Васильевич Шуйский, потомок древних князей Суздальских. Сей властолюбивый Князь объявил себя главою правления уже в седьмой день

кончины Елены и на глазах юного Ивана велел схватить его надзирательницу Боярыню Агриппину и её брата, любезного Царице, Князя Телепнёва – заковать в цепи и заключить в темницу, несмотря на слёзы и вопли беззащитного Ивана.

До семнадцати лет юный Царь жил перед постоянными сварами Бояр друг с другом, постоянными мелкими дворцовыми переворотами. А Шуйский властвовал и Россия знала его как убийцу Князя Бельского. Но слава Богу, Россия не долго терпела его тиранство. Князь умер в 1543 году. Но Шуйские оставались у власти – вместо одного к власти приблизились трое. Но, и тут, слава Богу, Иван начал чувствовать тяжесть Шуйских и приходить в смысл происходящего. Да и дядья Ивана, Князья Юрий и Михайло Васильевичи, внушали тринадцатилетнему племяннику, что для него настало время объявить себя Самодержцем и свергнуть хищников его власти. Многие бы поддержали Ивана, недовольные дерзким насилием Шуйских. Но и Иван был уже, как говорится, в теле и готов был ко многому. Он созвал первых лиц Государства Российского и твёрдо сказал им: «Уповаю на милость божью и на святых заступников земли Русской, имею намерение жениться».

И тут же объявил им другое намерение: «ещё до своей женитьбы исполнить древний обряд предков и венчаться на Царство». И Окольничьи и Дьяки разъезжавшие по России в поисках невесты нашли для Государя юную Анастасию из Боярского рода Захарьиных. Но не знатность, а личные

достоинства невесты оправдывали этот выбор Царя. И прервав свадебные пиры Царь с Царицей ходили пешком в Сергиеву Лавру и провели там первую неделю поста, ежедневно молясь у гроба Святого Сергия Радонежского.

Эта набожность Ивана, ни искренняя любовь к супруге не могли укротить его пылкой беспокойной души, его беспричинного гнева, приучения к шумной праздности его забав, что сделались во дворце грубостью и неблагочинием. Он любил быть Царём всегда, везде и для всех.

Великий пожар Москвы 1547 года озлобил его и он впервые увидел, что нет мудрости в правлении Государства и что нет той должной любви народной, которую он ждал и готов был поначалу питать её своими добрыми делами. И видя, что народ готов к мятежу и поневоле сделался орудием Глинских охотно удалился в село Воробьёво, как бы для того, что бы не видеть и не слышать народного отчаяния. На самом то деле он и его вельможи при нём боялись народного мятежа. В царствование своё Иван расширил Государство, пределы которого отделились в Сибирь, а торговые пути лежали в Среднюю Азию. К намерениям Ивана относится его замысел обогатить Россию плодами искусств чужеземцев. Тогда, в том времени, впервые на театре Истории появились Донские Казаки, защитники России и её южных границ, признавшие Верховную власть России.

Но злодейства в судьбе Ивана Васильевича было столько, что не уместить его в судьбы наших иных правителей.

Не вдруг, конечно рассвирепела душа, некогда благолюбивая, успехи добра и зла постепенны и поочерёдно, но как проникнуть в сердцевину души, что бы увидеть в ней боре-ние совести с мятежной страстью; и никто не увидел, и ни-кто не понял причины столь жестокого тиранства, когда по-дозрение вызывало лишение собственности, ссылку, оковы и темницы и даже очень часто смерть. Разве могли увидеть в Иване Васильевиче Царя доброго и справедливого жите-ли Пскова, Твери, Великого Новгорода, большинство кото-рых было уничтожено по доносам клеветников и завистни-ков. И гибли то люди по доносу, за нескромное слово или по пустому подозрению в измене Москве.

И Москва цепенела в страхе. Людей давили, топили, сжигали, а Царь свирепел, его кровопийство не могло утолить жажды крови необъяснимой для незамутненного ума. И не находится исправления для тирана и мучителя. И не найдётся, как ни ищи в суде человеческом и тем более в суде Божьем. А из тех времен, помещённый в наши дни наш Властитель был бы, конечно, помещён в психиатриче-скую клинику, но, скорее всего, его постигла бы участь Пол Пота. Но это как мерзко даже взглядываться сей час из наших покосившихся окон в домах барачного типа. Но это совер-шенно другой уровень типа общественно – государственных отношений. И я решаю – не мешать жить Ивану Васильевичу в своей исторической эпохе, как в разнообразии монархии. Ведь и в нашей эпохе найдутся злодеи не менее жестокие.

А меня интересуют изменники, которых было немало на Руси. Что их подвигло на измену Отечеству? Как ответить на это? Ужас, наведённый жестокостями Царя на всех Россиян, привёл к бегству многих из них в чужие края. Среди них были Князь Дмитрий Вишневецкий, знатные сановники Ивана Васильевича Алексей и Гаврила Черкасские. Бегство в чужие земли не всегда измена; гражданские законы не могут быть сильнее естественных законов бежать от мучителя, но горе падёт на гражданина, который мстит Отечеству, путая тирана с Отечеством! Так молодой Воевода, ещё в юных своих годах ознаменовал себя славными ранами в битвах за Царя и Отечество, не разделяя их, под Тулой, под Казанью, в степях Башкирии и на полях Ливонии, некогда любимец Ивана, но Царь не влюбил его и вписал в свой чёрный список Государственных преступников. Это был Князь Андрей Курбский. Он решился на бегство, зная свою судьбу и решительно, не боясь смерти за задуманное спросил у своей жены, желает ли она видеть его мёртвым или расстаться с ним живым навеки? Жена ответила, что жизнь мужа драгоценнее её собственной жизни. И Курбский бежал из России Царя Ивана Васильевича в Литву, где принял его Воевода короля Сигизмунда.

В порыве своих чувств он написал письмо к русскому Царю, а верный ему слуга взялся доставить письмо и сдержал своё слово. Подал запечатанную бумагу Царю на Красном крыльце в Кремле со словами: «От господина моего, твоего

изгнанника, Князя Андрея Михайловича». Царь в гневе ударил его в ногу острым жезлом, кровь брызнула из раны. Гонец Курбского молчал. Тогда Царь велел ему читать письмо. И тот начал читать.

«Царю некогда светлому, от Бога прославленному – ныне же, по грехам нашим, омрачённому адскою злобою в сердце, прокажённому в совести, тирану беспримерному между самыми недурными владыками земли. Внимай! В смятении горечи сердечной скажу мало, но истину. Почто различными муками истерзал ты сильных во Израиле, вождей знаменитых, данных тебе Вседержителем, и Святую, победоносную кровь их приял во храмах Божьих? Разве они не пылали усердием к Царю и Отечеству, Вымышляя клевету, ты верных называешь изменниками, Христиан чародеями, свет тьмою и сладкое горьким! Чем прогневали тебя они представители Отечества? Не ими ли разорены Батыевы Царства, где предки наши томились в тяжёлой неволе? Не ими ли взяты твердыни Германские в честь твоего имени? И что же воздаёшь нам, бедным? Гибель! Разве ты сам бессмертен? Разве нет Бога в правосудии Вышнего для Царя? Не описываю всего, претерпенного мною от твоей жестокости: ещё душа моя в смятении; скажу единое: ты лишил меня святыи Руси. Кровь моя за тебя излившаяся вопит к Богу. Он видит сердца. Я искал вины своей, в делах и в тайных промыслениях; вопрошал совесть, внимал ответам её и не ведаю греха моего перед тобой. Я водил полки твои и никогда не обращал хреб-

та их к неприятелю: слава моя была твоею. Не год, не два служил тебе, но много лет, в трудах и в подвигах воинских, терпя нужду и болезни, не видя матери, не зная супруги, далеко от милого Отечества. Исчисли битвы, исчисли раны мои! Не хважуся: Богу всё известно. Ему поручаю себя в надежде на заступление Святых и праотца моего, Князя Фёдора Ярославского. Мы расстались с тобою навеки: не увидишь лица моего до дня Суда Страшного. Но слёзы невинных жертв готовят казнь мучителю. Бойся и мёртвых: убитые тобою живы для Всевышнего; они у престола Его, требуют мести! Не спасут тебя воинства; не сделают бессмертным ласкатели, Бояре недостойные, товарищи пиров и неги, губители души твоей, которые приносят тебе детей своих в жертву!

Сию грамоту, омоченную слезами моими, велю вложить в гроб с собою и явлюся с нею на суд Божий. Аминь. Писано в граде Вольмаре, в области Короля Смгизмунда, Государя моего, от коего с Божьей помощью надеюсь милостей и жду утешения в скорбях».

Иоан выслушал чтение письма и велел пытатъ вручителя, он должен был узнать все обстоятельства побега и оставшиеся связи Курбского в Москве. Вручитель письма по имени Василий Шибанов не рассказал Царю ничего, в ужасных муках нахваливал своего господина и радовался мыслью, что за него умирает. Такая твёрдость изумили Ивана и в укор Курбскому говорит об этом в ответном письме.

«Во имя Бога всемогущего, Того, Кем живём и движемся,

Кем Цари Царствуют и Сильные глаголют, смиренный Христианский обет бывшему Российскому Боярину, нашему советнику и Воеводе, Князю Андрею Михайловичу Курбскому, восхотевшему быть Ярославским владыкой.

Почто, несчастный, губишь свою душу изменой, спасая бренное тело бегством? Если ты праведен и добродетелен, то для чего не захотел умереть от меня, строптивого владыки и наследовать венец Мученика? Что жизнь, что богатство и слава мира сего? Суета и тень: блажен, кто смертью приобретает душевное спасение! Устыдился раба своего, Шибанова: он сохранил благочестие перед Царём и народом, дав господину обет верности, не изменил ему при вратах смерти. А ты, от единого моего гневного слова, тяготишь себя клятвою изменников; не только себя, но и душу предков твоих, ибо они клялись великому моему деду служить нам верно со всем их потомством. Я читал и разумел твоё писание. Яд аспида в устах изменника.: слова его подобны стрелам. Жалуешься на претерпенные тобою гонения; но ты не уехал бы к врагу нашему, если бы мы не излишне миловали вас, недостойных! Я иногда наказывал тебя за вины, но всегда легко, и с любовью, а жаловал примерно. Ты в юных летах был Воеводою и советником Царским; имел все почести и богатство. Вспомни отца своего: он служил в Боярах у Князя Михаила Кубенского! Хвалишься пролитием крови своей в битвах: но ты единственно платил долг Отечеству. И велика ли слава твоих подвигов? Когда Хан бежал из Тулы, вы пировали

на обеде у Князя Григория Тёмкина и дали неприятелю время уйти восвояси. Вы были под Невелем с 15000 и не умели разбить четырёх тысяч литовцев, говоришь о Царствах Батыевых, буд то бы вами покорённых: разумеешь Казанское (ибо милость твоя не видала Астрахани)? Но чего нам стоило вести вас к победе?

Когда Бог даровал нам город, что вы делали? Грабили! Горе дому, коим владеет жена, Горе Царству, коим владеют многие! Византия пала, когда Цари начали слушаться Эпархов, Синклитов и Попов. Бесстыдная ложь, что говоришь о наших жестокостях! Не губим Сильных, Сильные служат нам. Казним одних изменников – и где же щадят их? А предок ваш, святой Князь Фёдор Ростиславич, сколько убил Христиан в Смоленске? И что такое представители Отечества? Святые ли, боги ли, как Апполоны, Юпитеры? Доселе владетели Российские были вольны, независимы: жаловали и казнили своих подданных без отчёта. Так и будет! Уже я не младенец. Имею нужду в милости Божьей, Пречистой Девы Марии и Святых Угодников, наставления человеческого не требую. Хвала Всевышнему: Россия благоденствует, Бояре мои живут в любви и согласии, одни друзья, советники ваши, ещё во тьме коварствуют, Угрожаешь мне судом Христовым на том свете, а разве в этом мире нет власти Божьей? Вы думаете, что Господь Царствует только на небесах, Дьявол в Аде, на земле же властвуют люди. Нет, нет, везде Держава Господня и в этой и в будущей жизни. Ты пишешь, что

я не увижу лица Эфиопского, так какое же горе мне! Какое бедствие мне! А сам Престол Всевышнего окружаешь убиенными мною: вот новая ересь! Так положи свою грамоту в могилу с собою: этим докажешь, что и последняя искра Христианская умирает с любовью, с прощением, а не с злобой. К завершению измены называешь Ливонский город Вольмар областью Короля Сигизмунда и надеешься от него получить милости, оставив своего законного, Богом данного Властителя. Ты избрал себе Государя лучшего. Великий Король твой есть раб рабов, удивительно ли, что его хвалят рабы? Но умолкаю, Соломон не велит плодить речей с безумными: таков ты действительно. Писано в Царствующем городе Москве, лета мироздания 7072 (1564) Июля в 5 день».

Это письмо Царя Курбскому довлеет над смелыми прерзительными к тирану словами – так и должно быть, кажется, если тиранство отравило суть России и не могло позволить появиться ничему более наряду с собой – только изменам и преступлениям.

А переписка не закончилась, она продолжалась и стала казаться обоим, тирану и изменнику, и оправданием друг перед другом и обвинением друг друга. Но Царь считает, что он прав, потому что – Царь. Это проступает не сразу, его правота в споре двоих, большим количеством аргументов – свидетельствами историческими, богословскими толкованиями и грубыми насмешками, что хоть и недостойно, но в те времена было вполне доказательно. Но Курбский вполне Герой

поначалу, другого он не заслужил, когда прямо в глаза, хоть и на расстоянии, нашёл в себе силы назвать тирана тираном; впрочем мне и в голову не могло придти найти в его поступке чтонибудь похожее на робость перед Царём – тираном. В отношениях этих двух людей, конечно, более интересен Курбский, потому что в храбрости перед злодеем он видит верх человеческих достоинств, которые на него и одеты как одежда – это он такой в характере. А Царь тем и характерен, что он Царь, тем более, что этот Царь – Иван Васильевич.

Но они не застыли в молчании друг перед другом, они говорят и, кажется, что не наговорятся. «Я невинен и бедствую в изгнании, – пишет Курбский Царю, столкнувшись с трудностями. – Добрые жалеют меня: следственно не ты! Подождём немного: истина не далёко».

А чего ожидал Курбский от истины? Победы над Иваном? Как? В каком виде?

До настоящего момента мы можем только осуждать беглеца только за язвительность писем, за наслаждение неминуемой мести, за удовольствие терзать мучителя смелостью слов и, пожалуй, за безразличие к судьбе доброго усердного слуги, решившегося на жертву. Ничего более! А если ничего более, то он – не преступник, не враг.

Но, увлечённый страстью борьбы с тираном, Курбский лишил себя преимущества быть правым в историческом, так я думаю, споре с Царём о добродетели и не на словах был уличён, когда превратился из изгнанника жестоким гонителем

в преступника и изменника России. Покинув Россию Курбский без угрызений своей совести мог бы найти своё убежище от гонителя в Литве, но к несчастью своему сделал непоправимое: соединил смелые слова свои с оружием против России, не задумываясь продав свою честь и русскую душу Польскому Королю Сигизмунду, советуя как погубить Россию. И скоро 70000 Литовцев, Ляхов, Прусских немцев, Венгров, Волохов с уже предателем Курбским вступили на Русскую землю, а Крымские татары с Девлет-Гиреем вступили в Рязанскую область. Но измена Курбского с его замыслом не достигла желаемого, Россия выстояла своими дружинами во главе с любимцами Государя Алексея Басманова и его сына Фёдора, а так же Князя Петра Щенятева и Князей Ивана Пронского и братьев Петра и Василия Оболенских – Серебряных. И подвиги Курбского против России состояли всего лишь из разорения сёл и монастырей. «То сделалось против моей воли. – писал он Ивану. – нельзя было удержать хищных ратников. Я воевал моё отечество так же, как Давид, гонимый Саулом, воевал землю Израильскую».

В то время как Курбский всё более и более увязал в измене, Ивану всё более и более сопутствовала удача. А измена Курбского произвела лишь кратковременную тревогу в Москве.

Но сердце Ивана всё более кипело гневом и волновалось подозрениями к его Вельможам и он снова видел предательство там, где его не было.

Царь организовал собственную дружину и выбирал телохранителей из Князей, Дворян, Детей Боярских в количестве 1000, названных опричниками. В этой опричнине вместе с ним были Алексей Басманов, Малюта Скуратов. Князь Афанасий Вяземский и другие его любимцы. А 4 февраля 1565 года начались казни мнимых изменников, которые буд то были связаны с Курбским и вместе с ним умышляли убить Царя, Царицу Анастасию и его детей. Первой жертвой опричнины стал славный Воевода Князь Александр Борисович Горбатый – Шуйский, потомок Древних Князей Суздальских и знаменитый участник завоевания Казанского Царства. Ему надлежало умереть вместе с сыном Петром семнадцатилетним юношей. На казнь отец с сыном шли держась за руки и никто из них не мог уступить первенство у плахи. Но, наконец отец сказал: «Не зрю тебя мёртвого!»

И началось такое!

Вместо 1000 Царь взял на службу 6000 телохранителей и взял с них присягу служить ему верой и правдой, а на самом то деле всех их приводили под очи тех избранных людей, которые были определены Иваном и они отбирали этих молодых людей, отличных не достоинствами, но только удальством, распутством и готовностью на всё к чему их назначит Царь. Они должны доносить на изменников, не водить дружбу с теми, кто не записан в опричники, и даже не знать ни мать, ни отца – только Государя. За свою службу Иван дал им землю и дома и всю движимую собственность,

отобранную у прежних владельцев, людей знатных, заслуженных, израненных в битвах, которые, если не лишились жизни, то зимою с жёнами и детьми шли в иные отдалённые места России.

Но это зло Иваново было маловажным в сравнении с другим. Скоро увидели, что Иван предаёт всю Россию в жертву своим опричникам. Опричники всегда были правы в судах, на них не было ни суда, ни другой управы. Опричников звали кромешниками тогда – как бы извергов тьмы кромешной. И кромешник мог безопасно для себя теснить, грабить соседа и в случае поданной соседом жалобы брал пению за бесчестье. Что то подобное начинается и в наше время, когда клевета назначена судебной защитой власти, как и закон о митингах, которым преследуется беспорядки на улицах, проспектах и площадях.

Но продолжим.

А казни были нескончаемы. Но иногда и такое бывает.

Царь в окружении некоторых Бояр и множества опричников входит в Соборную церковь Кремля, где им встречается Митрополит Филипп. Иван приблизился к Митрополиту и ждал благословения. Но тот смотрел на образ Спасителя, не говоря ни слова. Наконец Бояре сказали: «Святый Владыко! Это Государь, благослови его!»

А Филипп ответствовал, но вот что: «В этом виде, в этом одеянии не узнаю Царя Православного; не узнаю и в делах Царства... О Государь! Мы здесь приносим жертвы Богу,

а за алтарём льётся невинная кровь Христианская. Отколе солнце сияет на небе, не видно, не слышано, что бы Цари благочестивые возмущали собственную Державу столь ужасно! В самых неверных. языческих Царствах есть закон и правда, есть милосердие к людям – а в России нет их! Достояние и жизнь граждан не имеют защиты. Везде грабежи, везде убийства и совершаются именем Царским! Ты высок на троне, но есть Всевышний судья наш и твой. Как предстанешь на суд Его?

Обагрённый кровью невинных, оглушаемый воплем их мук? – Ибо сами камни под ногами твоими вопиют о мести! Государь! Вещаю как пастырь душ. Боюсь Господа единого!»

Царь ударил жезлом о камень и сказал страшным голосом: «Чернец! До сих пор я излишне щадил вас, мятежников, отныне буду таковым, каковым вы меня нарицаете!».

И уже на другой день состоялись новые казни. Их было не остановить. И в числе первых и знатных погиб Князь Василий Пронский.

А казни не кончались. Но когда то должны были кончиться. Наконец Иван достиг высшей степени своего тиранства и мог ещё в безумстве губить свой народ, но уже не мог этим изумить Россиян, никакими новыми изобретениями своей лютости. Невозможно читать без трепета о всех адских вымыслах тирана, о всех способах терзать человечество. А мы больше не будем писать об этом, уж больно много чести отдаём лютому зверю.

Только добавим, что голод и мор помогли тирану опустошить Россию. Это было в 1572 году. Между тем, супруга Ивана родила сына Уара – Дмитрия, безвинного виновника дальнейших, на долгие годы, бедствий России. Иван не отбросил от себя мысли жениться на племяннице Английской Королевы, устранив от себя супругу, Марию Нагую.

Но и жизнь, данная ему Богом, оказалась не вечной. На что он надеялся, но долголетие в Царствовании, подошло неминуемо к концу. В это время на небесном небосклоне явилась комета, Царь выходил на крыльцо и смотрел на неё, а однажды, изменившись в лице, произнёс: вот знамение моей смерти! Говорят, что неминуемую смерть предсказали ему Астрологи – 18 марта 1584 года, на что Иван им приказал молчать, а сам продолжал ждать своего смертного часа.

Он созвал Бояр и велел писать завещание, в нём объявил наследником престола сына своего Царевича Фёдора, избрал знаменитых Вельмож в советники и блюстителей Державы – облегчать царствование юному Фёдору, младенцу Дмитрию с матерью Марией Нагой назначил в Удел город Углич и вверил воспитание Бельскому.

А 17 марта ему полегчало и он сказал Бельскому: «Объяви казнь Астрологам за их басни о моей смерти». «Но день ещё не миновал», ответствовали Бельскому Астрологи. Исходя из сегодняшнего дня, это чистой воды клевета. Да разве можно такое предсказывать Властителю!

«Не стало Государя!» – как, всё таки, случилась долгожданная смерть. И завопил народ, заплакал навзрыд, обливаясь неутешными слезами, платя долг усопшему Монарху, хотя и до крайности жестокому. На третий день совершилось погребение памятное в своём великолепии в Архангельском Соборе Кремля. И земля не отвергла тирана.

Он и в гробу не казался старцем. Много силы в теле оставалось с юности до предсмертных дней. Был он высок, плечист не опущенными плечами, но широкими и какими то стрельчатыми и прямыми, что угадывало в них силу недюженную, тонкая, но сильная, жилистая шея легко держала непропорциональную весу и росту малую и узколицию голову покрытую редкими уже сивыми волосами, узкое и скуластое лицо выделяло ястребиный нос и светлые серые глаза, но уже старческие и злобные, почти дикие. Но всё равно весь его облик был облик Царя и почему то Царя подходящего только для России. Когда он гневался, то гнев его начинался с верчения головы из стороны в сторону и весь его образ походил на Царский орлиный герб, охраняющий необъятность России. Но верчение вдруг останавливалось и выбрав заранее кого то для расправы, взгляд его упирался в искомое – и человек прощался с жизнью, моля бога проститься побыстрее. Таков был тиран, что предназначен был судьбой для России. То есть здесь Россия, в эти десятилетия, забеременела Смутой, давая пример поведения всем людям – изменами и преступлениями, злобой и жестокостью. И такое

время началось при нём и продолжалось сразу за порогом кончины тирана.

Таков был тиран, предназначенный судьбой властвовать Россией. В эти годы от тирана и деспота забеременела Смутной Россия, давая пример поведения многим другим народам жестокостями, изменами и преступлениями. Это началось с него и продолжалось до его кончины.

А России нужно бы запомнить этот день – начало смуты, 4 февраля 1565 года, когда первыми ступили на эшафот отец с сыном из рода Суздальских князей Александр Михайлович Горбатый-Шуйский и его семнадцатилетний сын Пётр.

– Не могу видеть тебя, сын, мёртвым. Дай мне первым умереть. – сказал отец сыну и ступил первым на эшафот.

И без слов положил голову на плаху под топор палача.

2

Андрей Курбский обласканный Сигизмундом, награждённый богатым поместьем, выходило что он предатель России. своей чести и своей души православной. Мало того, он был советчиком Сигизмунду как погубить Россию, упрекал короля его слабостью в войне. убеждал действовать смелее и решительнее. А ведь как он начинал против тирана – сам был смел и решителен. А что стало?

А стало то, что 70 000 литовцев, ляхов, прусских немцев, венгров, волохов с изменником Курбским во главе идут к Полоцку, а Девлет —Гирей с 60 000 ордой вступили в рязанскую область.

Эта последняя весть изумила Ивана. Олучил он её в пути в Суздаль, куда ехал на богомолье, каждый день ожидая грамоты от хана, который обещал ему мир и союз против Сигизмунда. И грамота в самом деле была написана ханом, но золото короля всё повернуло вспять, взяв золото от короля, хан не сдержал своего слова и напал на Россию, беззащитную в это время. так как все полки Ивановы стояли на ливонской границе. Так что Рязань не кому было защищать. Но Рязань выстояла и все из орды крымской воины или пали в битвах или попали в плен к россиянам. Таким образом измена Курбского и замысел Сигизмунда потрясти Россию произвели лишь одну незначительную и кратковременную

тревогу в Москве. Но неудачи хана в Рязани не успокоили сердце Ивана, его сердце кипело гневом и волновалось подозрениями. Все преданные, казалось бы, ему вельможи казались ему тайными злодеями и изменниками, единомышленниками Курбского, он видел предательство в их преданных взорах, а в их молчании слышал укоризны и угрозы. И требовал от них доносов. А на доносы отвечал муками для человека и зверствами. А к своему изумлению видел свои жертвы ещё живыми и ещё не умертвлёнными, то нашёл в этом предлог для ужасов – и не вдруг это началось в начале зимы 1564 года. Скорее это не началось, а продолжилось – ужас был наведён раньше, после чего Андрей Курбский покинул Россию. Ужас наращивал обороты.

Однажды, находясь в Александровской слободе, Царь среди духовенства, и бояр объявил своей собственностью города России: Можайск, Вязьму, Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин, Ярославец, Суходровье, Медынь, Суздаль, Шую, Галич, Юрьевец, Балахну, Вологду, Устюг, Старую Русу, Каргополь. Взял себе право выбрать для себя 1000 телохранителей из князей, дворян, детей боярских и давал им поместья в присвоенных городах, а настоящих владельцев переводил в другие места. И в самой Москве присвоил себе ряд главных улиц. Для собственных услуг назначил себе в услужение дворецкого, казначеев, ключников, поваров, хлебников, ремесленников. Не захотел жить в старом кремлёвском дворце и приказал построить новый дворец на Неглинной.

Что государево, а что государственное обрело разницу всем понятную. Да истребовал из казны для себя 100 000 рублей. И никто не противоречил. Что стало примером в России. Не правда ли?

А 4 февраля начались казни мнимых царём изменников, которые буд то бы вместе с Курбским замыслили убить Ивана и его детей. Первой жертвой новых злодеяний царя стал славный воевода князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский, потомок святого Владимира, Всеволода Великого и древних князей суздальских, знаменитый участник завоеваний Казанского царства, известный на всю Россию муж глубокого государственного ума и в той же степени христианин. Ему надлежало умереть первым, да мало того ещё и вместе со своим сыном, семнадцатилетним Петром. Оба шли на эшафот без страха, держа друг друга за руки. Сын не хотел видеть казни отца и первый склонил под топор голову. Отец отвёл сына от плахи, сказал ему последние с умилением слова: Не зрю тебя мёртвого, сын мой, любимый. Уступи место отцу. Сын послушал отца, уступил место у плахи, потом взял отсечённую голову отца и поцеловал её в губы, взглянул с улыбкой в небеса и склонил голову палачу, сказав шёпотом: Боже, сохрани меня до великого суда, до отмщения за отца, за Отечество, за Россию. И следом в тот же день и в тот же час были казнены шурин Горбатого Пётр Ховрин, окольничий Головин, князь Сухой – Кашин, князь Пётр Иванович Горенский. А князь Дмитрий Шевырев был посажен

на кол. Он страдал целый день, но укреплялся верой, забывая о муках и пел канон Иисусу. Князя Куракина постригли перед казнью и уже готовому склонить свою голову на плаху велели написать расписку, что не уйдёт из России ни в Литву, ни к Папе, ни к Императору, ни к Султану, ни к князю Владимиру Андреевичу и не иметь с ним никаких отношений. Это были всего лишь первые казни, в которых числятся десятки, может сотни лучших сынов Отечества. Дальше что будет не подлежит никакому описанию. Это был предел всему, что может умыслить злой промысел под указания сатаны, прикрываясь христианской любовью и православной верой.

Но этот государь России был деспот и тиран.

3

Крымский хан совершил свой очередной набег на Московское государство в 1571 году и сжёг Москву. Иван не посмел стать защитником Москвы против 120 000 войска хана и делал вид, что Ливония его больше интересует в ведущейся войне, чем набеги крымцев.

Девлет – Герай писал Ивану следующее:

Жгу и пустоши твои и города и селения, а всё из-за Казани и Астрахани, а всего примешалось в прах и подеялось по божьему величесву. Я пришёл на тебя, город твой сжёг, хотел взять венца твоего и головы, но ты не пришёл и против нас не стал, а ещё хвалишься, что я де московский государь! Был бы у тебя стыд и дородство, так ты бы пришёл против меня и стоял напротив меня.

Ошеломлённый разгромом, сожжением и разграблением Москвы, Иван с трудом нашёлся что ответить. Но в конце концов отвечает:

Ты пишешь мне о войне и если я буду об этом писать, то к доброму делу не придём. Если ты сердишься за отказ в Казани и Астрахани, то мы Астрахань хотим тебе уступить, только теперь скоро этому делу стать нельзя, для этого дела у нас должны быть твои послы. До тех пор ты пожаловал, а для нас сроки и земли наши не воевал.

Девлет – Герай на это не ответил, промолчал. Не посчитал

нужным.

А после серии казней Иван занялся образованием своей новой дражины. Советовался со своими любимцами, со своими верными друзьями: Алексеем Басмановым, Малютой Скуратовым, князем Афанасием Вяземским. К ним, к этому совету из четырёх организаторов, приводили молодых детей боярских представиться царю и продемонстрировать своё удалство, распутство и готовность пойти на всё. что потребует Иван в своём деспотизме. Иван спрашивал их об их роде, о их друзьях, о их покровителях. Требовалось для отбора в новую царскую дружин, что бы молодые конкурсанты не имели никакой связи с знатными боярами, неизвестность и самая низость происхождения вменялась им в достоинство. Вместо 1000 Царю взял себе на службу 6000 молодых людей и взял с них присягу служить ему верой и правдой, доносить на изменников, не водить дружбу с зкмскими, то есть не записанными в опричники, не знать ни отца, ни матери, а знать единственно своего государя. За это царь дал им не только земли, но и дома и всю дважимую собственность старых владельцев, а их было 12000 лишённых земли и собственности, которая была передана 6000 опричников. Все 12000 лишенцев своего имущества, высланных из пределов опричнины с голыми руками, были людьми заслуженными, израненными в битвах, с жёнами и детьми шли зимой пешком в изгнание, в отдалённые, пустые поместья. А «новые дворяне», которые из нищих сделались больши-

ми господами, хотели пышностью закрасить свою плдлость. Они имели нужду в деньгах. обременяли своих крестьян налогами и деревни разорялись. Иван мог надеяться на усердие опричных людей в новых замышляемых им убийствах. Чем больше государство ненавидело эту новую дружину царя, тем больше царь доверял этим людям: общая ненависть людей была залогом их верности. Затеяливый ум царя изобрёл для них затейливый символ их служения ему: опричники возили с собой, притороченную к коню собачью голову и метлу в ознаменовании того, что грызут врагов Ивана и выметают их из России.

Новый дворец Ивана в Москве хотя и уподобился неприступной крепости, но Иван не считал себя в нём в безопасности. Да и Москву он не взлюбил и стал проживать с некоторых пор в Александровской слободе, которая стала городом с церквями, каменными домами и лавками. Царь жил в больших палатах, обнесённых рвом, Никто не смел ни выехать из города, ни въехать в него без ведома царя, для чего в трёх верчтах от слободы стояло воинская стража. Живя в городе, окружённом тёмными лесами Ивани посвящал себя церковному бдению, что бы набожной службой успокоить свою душу. Он даже иной раз порывался свой дворец превратить в монастырь, для чего из своих кремешников выбрал 300 самых отъявленных и назвал их братией, себя игуменом, князя Афанасия Вяземского – келарем, Малюту Скуратова – параклисиархом. Сочинил для них устав монашеский и слу-

жил для них первым примером. Ещё в ночи не забрезжил рассвет, а Иван в сопровождении Малюты Скуратова спешил на колокольню благовестить к заутрене, а братия спешила в церковь. Кто не являлся, того наказывали восьмидневным заключением. Служба продолжалась до восьми часов. Царь пел, читал, молился столь ретиво, что на его лбу вечно оставались следы ревностных поклонов. К восьми часам опять собирались к обедне и в десять садились за братскую трапезу, все, кроме самого Ивана. Иван обедал позже всех, за обедом беседовал со своими любимцами, потом за беседой той дремал или ехал в темницу править следствие. Ужасное зрелище темницы забавляло его, возвращался оттуда с видом полученного сердечного удовольствия – шутил и разговоры вёл веселее обыкновенного и добрее. В восемь часов шли к вечерне, а в десятом – в десять он уходил в спальню, где трое слепцов, один за други, рассказывали ему сказки. Однообразие этой жизни он прерывал так называемыми объездами: посещал монастыри, осматривал крепости, ловил диких зверей в лесах, в особенности любил медвежью травлю. Между тем всегда не забывал дел государственных, ибо земские бояре, мнимуполномоченные правители государства, не смели ничего решить без его воли.

Когда в Россию приезжали послы, то Иван являлся в Москву с обыкновенным великолепием самодержца российского и торжественно принимал их в новой кремлёвской палате. Опричники, блистая в золотых одеждах, наполняли

дворец, но не заграждали пути к престолу и к старым боярам, только смотрели на них спесиво, как подлые рабы, находясь в чести у подлеца недостойного.

Ещё старый конюший доживал свой век с престарелою своею супругой, то и он почему то испытывал верность Царю. Не раз князья Бельский, Мстиславский, Воротынский испытывали его недоверие. Вот и Фёдоров, вельможа царского двора не уцелел в отличие от этих старорусских князей – и слава в том богу нашему, а вот Фёдоров не уцелел и конюший – не уцелел. И влезло же в голову царю такое, что ветхий старец удумал свергнуть царя с престола и царствовать над Россией. Так что удумал царь?

Он в присутствии двора посадил Фёдорова на трон. Дал ему в руки скипетр и державу, снял с себя шапку, низко поклонился и сказал: Здрав буди, Великий Царь земли Русской! Это ты принял от меня честь, тобою желаемую! Но имея власть сделать тебя царём, могу и низвергнуть тебя с престола! Сказав эти слова, царь ударил старика ножом, а опричники дорезали старца, а мёртвое тело бросили собакам.

А 1 сентября 1569 года скончалась другая супруга Ивана – Мария. Кончина двух его супруг. Столь разных по своим душевным свойствам, имела одно несчастное следствие для России: распустив слух, что Мария, подобно Анастасии, было отравлена тайными злодеями, он приготовил Россию тем самым к ужаснейшим исступлениям своей ярости. Многих

и многих он извёл, кто считал – без счёта на российской земле. Один из них троюродный брат Владимир со своей семьёй. Когда Иван призвал к ответу Владимира, то семья поняла к чему его призывает тиран и двинулись все вместе предстать перед ним не боясь ответа перед деспотом.

И вот ведут несчастного с женой и двумя детьми к вымышленному ответу. Все падают к ногам Царя и клянутся в своей невиновности и просят о своём пострижении в монахи, заменив топор палача. Но Царь им говорит: Вы хотели умертвить меня ядом. Так пейте его сами! И слуги подали отраву Владимиру – первому умереть. Владимир готовый умереть только не из собственных рук принять смерть, ведь он христианин. Тогда супруга его, Евдокия (родом княжна Одоевская), умная, доброжелательная, видя, что нет спасения и не будет, отвернула своё лицо от Ивана, осушила свои слёзы и с твёрдо сказала мужу: Не мы себя, но мучитель нас отравляет. Да и лучше принять смерть от Царя, чем от палача. Владимир простился с женой, благословил детей и выпил яд. За ним выпила яд Евдокия и дети Они вместе все молились перед наступлением смерти. А за ними наблюдал их терзания леспот и тиран, царь России. Яд начинал действовать и Иван был свидетелем их терзаний. Тогда царь призвал служанок княгини Евдокии и сказал: Вот трупы моих злодеев! Вы служили им, но из милосердия дарю вам жизнь.

С трепетом взглянув на тела своих господ, они единодушно отвечали ему: Мы не хотим твоего милосердия, зверь кро-

вожадный! Растерзай лучше нас, мы не хотим твоего милосердия, а гнушаясь тобой: презираем жизнь и муки твои, посланные тобой.

Иван велел обнажить их и расстрелять.

Никто, естественно, не поверил объявленному умыслу князя Владимира на жизнь Царя. Видели в содеянном одно лишь гнусное братоубийство, внушённое в злобную голову ещё более злобой, вперемежку с безосновательными подозрениями. Просто у России мог бы появиться иной царь и по другому бы царствовал и не был бы тираном. Ведь он долго сносил в себе явную опалу на долгие годы с твёрдостью и ждал своей очереди на неминуемую гибель с каким то христианским спокойствием и приводил добрые сердца к умилению, рождающее любовь. Судьба князя Владимира произвела всеобщую жалость: все забыли про страх, слёзы лились в домах и в храмах. Надеялся ли Иван обмануть современников и потомство грубой ложью или обманывал самого себя легковерием? А в последнем уверены летописцы, что бы облегчить лежащее на Иване бремя страшных дел: но само легковерие в таком случае не вопиёт ли до самого неба? Уменьшает ли омерзение к неслыханным убийствам?

Новгород и Псков. Некогда свободные славянские государства, лишённые своих прав московским государём Иваном Васильевичем Грозным, ещё сохраняющие в себе какую то величавость из прошедшего времени. Новгород и именовался собой как Великий. И заключал договоры от своего имени как Великий Новгород. Новгородцы тайно хранили

в себе от рождения неприязнь к Москве, ещё живы были очевидцы последнего веча. Забыли бедствия, которые и в вольности имеются и не забыли её саму. вольность. Нравится она кому то или не нравится – дело личное и я поэтому не буду принимать чью то сторону. Но вот не понравился уклад жизни царю ни новгородцев, ни псковичан. Тем и накликали они беду на свою голову.

Гражданские свободы Пскова и Великого Новгорода особо беспокоило Ивана и вводило в гнев. В этом своём гневе весной 1569 года он вывел из Пскова 500 лучших семейств да из Новгорода 150, тем и лишил полнокровной жизни города. Лишаемые отчизны плакали, оставшиеся трепетали перед тираном. То было самое начало. Ждали: а что дальше будет? Но никто и предположить не мог о предстоящем.

А продолжилось так. Один бродяга по имени Пётр был наказан в Новгороде за свои худые дела и вздумал отомстить жителям города. Зная об Ивановом нерасположении к жителям и его неблаговоление сочинил письмо от архиепископа и жителей к королю польскому, спрятал письмо в церкви святой Софии за образ Богоматери и сам бежал в Москву и донёс Ивану, что Новгород изменяет России. Царь принял всю эту нелепость за истину, осудил на гибель Новгород и его жителей, для него ставших ненавистными.

В декабре 1569 года царь со всем своим двором и со своей опричной дружиной выступил из Александровской сло-

боды не заходя в Москву вошёл в Клин, в первый город бывшего Тверского княжества. Очевидно, что Иван был уверен, что все жители этого города тайные враги Московского княжества и он отдал приказ своим опричникам начать убийства и грабежи там, где никто не помышлял стать неприятелем Москвы. Мирные подданные встречали своего государя как отца и защитника. Никто другого и не мыслил. Но в момент улицы, дома наполнились трупами, Опричники не жалели никого, ни жён, ни младенцев, ни стариков. Так и шли они с обнажёнными мечами от Клина через Городню до самой Твери, где свергнутый уже митрополит старец Филипп молился Господу и не слышал, как вошёл в келью любимец Ивана Малюта Скуратов, посланный царём, что бы убить митрополита.

– Я пришёл к тебе, святой отец, за благословением. Благослови меня старче! – возгласил разбойник и грабитель.

– Я благословляю только добрых и на доброе дело. Ты же кромешник и тебе благословения нет и не будет. Иди прочь, сатана! – твёрдо ответил Филипп. – А я давно уже жду смерти. Так убивай меня, христианина, пёс смердящий!

И гнусный Малюта Скуратов, уязвлённый словами Филиппа, бросился на него и схватил за тонкую шею и в злобе удавил старика. А желая скрыть свою вину в смерти мученика объявил инокам, что смерть наступила от несусветной жары в келье. Устрашённые иноки вырыли могилу Филиппу за алтарём и погребли его в присутствии убийцы.

Иван не хотел въезжать в Тверь и пять дней жил в одном из ближайших монастырей. Между тем как Иван бездействовал, казалось бы, его кромешники делали своё дело, которое явно устраивало Царя. Сотни неистовых кромешников грабили город, начав с духовенства и не оставив ни одного дома не разграбленным, жгли всё, что не могли взять с собой, людей мучили, убивали, вешали себе на забаву. Одним словом, напомнили тверитянам ужасный 1327 год, когда жестокость хана Узбека точно так же совершалась над их предками.

Многи литовские пленники, заключённые в темницах Твери были изрублены или утоплены в прорубях Волги. А Иван смотрел на это душегубство и с удовлетворением оставив дымящуюся кровью Тверь, появился в Торжке, где в одной темнице сидели крымские пленники, а в другой литовские, закованные в цепи. Их мертвили. Но крымцы защищаясь, тяжело ранили Малюту Скуратова, едва не ранив самого Ивана.

Все места, от Вышнего Волочка до Ильменя, были опустошены огнём и мечом. Каждого кого встречали на пути опричники убивали всех, для того что бы этот поход Ивана оставался тайною для России.

2 января 1570 года дружина царя вошла в Новгород и окружила со всех сторон, что бы ни один человек не мог спастись от расправы.

Заняли и разграбили все церкви и монастыри, связали

меж собой иноков и священников, поставили на правёж, взыскивали с каждого по двадцать рублей, а кто не мог заплатить, того били и секли с утра до вечера. В городе царствовала тишина ужаса, хотя никто не знал своей вины и никто не предполагал своей участи. Ждали появления государя и его обвинительных слов.

6 января появился царь и на другой днѣ казнили всех иноков, их убили палицами и каждый труп отвезли в свой монастырь для погребения. А 8 января царь со своим старшим сыном Иваном и со своей дружиной встретил архиепископа Пимена с чудотворными иконами и не приняв благословения, Иван грозно сказал: Злочестивец! В руке твоей не крест животворящий, но орудие убийственное, которое ты хочешь вонзить нам в сердце. Знаю умысел твой и всех новгородцев гнусных, знаю, что вы все готовитесь предаться Сигизмунду. И отселе ты уже не пастырь, а враг церкви и Святой Софии, хищный волк, губитель и ненавистник венца Мономахова.

6 января 1570 года Иван со своей дружиной стал близ Новгорода.

И на другой день казнили всех иноков и священников. Разграбили все церкви и монастыри. Жителей поставили на правёж, с каждого требовали 20 рублей, а тех, кто не смог заплатить нещадно били и секли весь божий день, с утра до вечера. В городе установилась тишина ужаса. Никто не знал вины, ни предлога своей опасности, Ждали появления государя

ря и действовать конкретно его приказам – что делать с жизнями жителей. Грабили по своему усмотрению. А убивать – ждали Ивана.

Наконец явился Царь со своими кромешниками. Схватили архиепископа, чиновников ногородских, его слуг, ограбили палаты, кельи, взяли ризную казну, сосуды, иконы, колокола, после чего начали судить новгородцев сех без разбора. Судил сам царь со своим сыном Иваном, ежедневно перед судом предстояли не менее тысячи новгородцев, их били, мучили, жгли, привязывали к саням или к лошадям, влекли к реке и бросали с моста в воду, поскольку Волхов зимой не замерзает до крепкого льда, и нижегородцы тонули целыми семьями вместе со стариками и младенцами. А кромешники добивали их в воде баграми, кольями и секирами.

Пять недель такое продолжалось в Ноагороде и заключилось общим грабежом. Иван ещё раз объехал все церкви монастыри, взял всю их казну, велел опустошить все дворы, истребить хлеб, лошадей, скот, сам ездил по улицам, наблюдал как кромешники ломились в палаты и кладовые. Делили между собой шёлковые ткани и меха.

На рассвете 12 февраля Иван призвал к себе остальных именитых новгородцев из каждой улицы по одному человеку. Они пришли как тени, бледные и изнурённые ужасом происходящего, ожидая неминуемой смерти.

Но царь милостиво глянул на них. Гнев и ярость только что пылающие в его безумных глазах вдруг неожиданно угас-

ли. Он сказал тихо:

– Достопочтенные мужи новгородские! Все доселе живущие на этом свете! Молите Господа о нашем благочестивом царском державстве, о христолюбивом воинстве, да побеждаем всех врагов видимых и невидимых. Суди бог изменника моего и вашего, архиепископа Пимена и злых его советников! На них взыщется кровь, здесь излианная, в городе Великом Новгороде. Да умолкнет плач и стенания, да утешиться скорбь и горесть. Живите и благоденствуйте в этом городе! Идите в дома свои с миром!

Но вель была ещё не решена судьба митрополита. А его при этих миролюбивых словах Царя посадили на белую кобылу в худой рваной одежде, с волынкою и бубном в руках и как шута или скомороха, возили из улицы в улицу, а потом в сопровождении стражников отправили в Москву.

Опустел Великий Новгород. А на Торговой улице, сломав все дома именитых новгородцев, превратили в площадь, на которой возвели Государев дворец.

Псков готовился разделить участь Великого Новгорода по той же причине, придуманной Иваном: его жители хотели изменить России. Перед вторжением Ивана в город, сам он ночевал в монастыре святого Николая, видя Псков перед собой. В городе в ожидании приближающейся грозы никто не смыкал глаз, люди ободряли друг друга, были активны в жизненных поступках, строили планы на ближайшее будущее. Были и те, кто видел перед собой пример Новгорода, они прощались с жизнью, отцы прощались с детьми и жёнами, жёны прощались с мужьями. В полночь раздался благовест и колокольный звон церквей псковских и сердце царя умилилось. Он живо вообразил, как граждане пойдут вот-вот к заутрене в последний раз молить Всевышнего о спасении от гнева царского, с каким усердием, с какими слезами припадают к святым иконам – и мысль, что Господь внемлет гласу сердец, тронула душу ожесточённую. В каком то неизъяснимом порыве жалости царь сказал своим воеводам: Иступите свои мечи о камень! И перестанут быть убийства!

На другой день, вступив в город, он с изумлением увидел на всех улицах города перед каждым домом столы, уставленные яствами, граждане от малых детей до седых стариков, держа в руках хлеб и соль, преклоняли колена, благословляли, приветствовали царя и говорили ему такие слова: Госу-

дарь наш Великий! Мы верные твои подданные, с усердием и любовью преподносим тебе хлеб-соль, а с нами и животами нашими твори волю свою: ибо что мы имеем и мы сами твои, Самодержец Великий!

Такая покорность было приятно Ивану. Царь слушал молебен в храме троицы и зашёл в келью к старцу Саллосу Николе, который как юродивый был под защитой своего юродства и не побоялся обличить царя в кровопийстве и предложить ему кусок мяса. Царь ответил ему на это:

– Я христианин и не ем мяса в пост.

Юродивый то же не молчал:

– Ты делаешь хуже: питаешься человеческою плотью и кровью, забывая не только пост, но и бога!

Грозил Царю несчастьями и бедами разными и напугал его до такой степени, что царь покинул Псков и жил несколько дней в отдалении. И, поразмыслив, не велел трогать иноков и священников, а пощадил родину Великой Правительницы Киевской Руси Ольги, взял только всего лишь казну монастырей и некоторые иконы и поспешил в Москву, где ждали своего конца архиепископ Пимен и некоторые знатные новгородские узники. И ещё многие были присоединены к новгородцам. Среди них были бояре Семён Васильевич Яковлев, дьяки Василий Степанов и Андрей Васильев. Но особенно удивило взятие под стражу любимцев царя Алексея Басманова и его сына Фёдора и особенно самого ближайшего нечестивца князя Афанасия Вяземского.

Все они обвинялись в том, что они вместе с архиепископом Пименом хотели отдать Новгород и Псков Литве, извести царя и посадить на трон князя Владимира Андреевича. Эти царедворцы поздно поняли, что милость тирана столь же опасна, как и ненависть его, что он не может долго верить людям, чья гнусность ему известна до самых мелочей. Царь имел неограниченную доверенность к Афанасию Вяземскому, оружничему царя. Но вот и на Афанасия Вяземского появился донос, что он якобы предуведомил новгородцев о царском гневе, из чего можно было заключить, что князь был их единомышленником.

А 25 июля среди большой торговой площади в Москве в Китай-городе поставили 18 виселиц, перед ними разложили различные орудия пыток, разожгли большой костёр и над ним повесили огромный чан с водой. Увидев эти приготовления, многим москвичам не трудно было догадаться, что наступал и их час прощания с жизнью, что и Москву ожидает судьба Новгорода и Пскова, что Иван хочет и их истребить всех без остатка. И они потеряв рассудок поспешили укрыться где могли. Не только площадь опустела, но и весь город казался без жителей. Не было ни одного человека на площади, лишь одни толпы опричников возле брошенных торговых лавок с неубранными товарами, деньгами. И крошечники шастали, готовые к грабежу, да грозно выселились виселицы, да занимался заревом огромный костёр. И всё это ждало своего продолжения от начала в Новгороде и Пскове.

В этой тишине городской и в пустоте площади под звук бубнов явмлся царь на коне с легионом кромешников, позади шли осуждённыё числом не менее 300, похожие на живых ещё мертвецов, истерзанные и окровавленные, от слабости еле передвигающие ноги. Иван стал у виселиц. Огляделся и увидел, что площадь пуста. Велел опричникам искать людей и гнать их на площадь. Жители не смея послушаться грозного приказа выходили из ям, подвалов и других схронов трепетали, но шли и когда площадь наполнилась людьми, Иван, возвысив голос, сказал:

– Народ! Увидишь муки и гибель, но я караю изменников! Отвечай мне: прав ли суд мой?

Народ спешно отвечал в один голос:

– Да живёт многие лета Государь Великий! Да погибнут изменники!

Иван приказал вывести 180 человек из толпы осуждённных и даровал им жизнь. Потом дьяк, развернув свиток произнёс имена казнимых. Вызвал первым Висковатого: Иван Михайлов, бывший тайный советник! Ты служил несправедно его царскому величеству и писал королю Сигизмунду, желая передать ему Новгород. Это первая вина твоя. А вторая, меньшая вина твоя: Изменник неблагодный писал к скултану турецкому, что бы он взял Астрахань и Казань. Ты же звал и хана крымского опустошать Россию. Это твоя вторая и третья вина.

А Висковатый отвечал:

– Свидетельствуюсь господом Богом ведающим сердца и помышления человеческие, что я всегда служил верно царю и отечеству. Слышу наглые клеветы, не хочу более оправдываться, ибо земной судья не хочет внимать истине, но судья небесный видит мою невиновность и ты, о государь! Увидишь её перед лицом всевышнего... Тут кромешники не дали ему более говорить, повесили Висковатого вверх ногами, обнажили тело и рассекли на части смиренного и великодушного новгородца. Тут подоспел Малюта Скуратов, сошёл с коня и отрезал у Висковатого ухо – его дворовый пёс любил человеческие уши.

Умертвили за 4 часа около 200 человек. Наконец, уставшие от своих трудов кромешники, стали перед царём, восклицая: гойда! Гойда! И славили его правосудие.

6

Жители Москвы, свидетели в этот день ужасных казней на площади в Китай-городе, не видели в числе жертв ни Алексея Басманова, ни князя Афанасия Вяземского. Князь испустил дух в пытках, которых не смог избежать хитрый царедворец, Алексей же Басманов подвергся таким пыткам, что по отношению к злодею их можно так же назвать злодейскими – они были невероятными даже в злодействе. Известие об убийстве отца своего сыном Фёдором Басмановым по приказу царя никто богопротивным не назвал и естественной ненависти не вызвал. Как и убийство князем Никитой Прозоровским своего брата князя Василия. Но эти злодеи не спасли свои жизни ещё более злодейским действием. За это же Иван их и умертвил. Три дня продолжались казни. Ни четвёртый день снова вывели приговорённых к смерти и Малюта Скуратов, предводитель палачей, рассекал топором мёртвые тела, которые несколько дней лежали без погребения. Здесь, где они лежали, терзаемые уличными псами, близ кремлёвского рва на крови и на костях, в последующие времена стояли церкви как умилительный христианский памятник этого душегубства. Да ещё жёны убиенных дворян, числом 80, в этот последний день казней были утоплены в Москва – реке.

Одним словом, Иван достиг наконец высшей степени

безумного своего тиранства, мог ещё губить, но уже не мог изумлять россиян никакими новыми изобретениями своих злодеяний. Не было ни для кого безопасности, но всего менее для людей известных заслугами перед Отечеством и богатством. Князь Пётр Оболенский – Серебряный, думный советник Захария Иванович Очин-Плещеев, один из богатейших сановников Хабаров-Добрынский и многие многие другие, составляющие генофонд нации, как бы мы сказали сейчас об этих людях.

Гнев тирана падал на целые семейства, губил детей, отцов, супругов, а часто и всех дальних родственников много, по убеждению Ивана, преступника. Так кроме десяти Колычевых, погибли многие князья Ярославские. Одного из них, князя Ивана Шаховского убил собственноручно царь – булавой в собственных руках. Многие князья Прозоровские, Ушатые, Заболотские, Бутурлины. Нередко многие знаменитые россияне избавлялись от царской казни славной своей кончиной по собственной воле. Два брата, два князя Мещерские защищали новую, только что построенную Донскую крепость от крымцев и оба пали в битве. И не успели их тела остынуть как приехали опричники с наказом от царя умертвить братьев. То же случилось и с князем Андреем Оленкиным: присланные царём убийцы нашли его мёртвым на поле чести в битве с врагом. Иван ни мало не умилённый смертями своих подданных, совершил лютую казнь над детьми князей.

И когда, в ужасах душегубства, Россия цепенела, во дворце царя раздавался шум ликующих – Иван тешился со своими палачами, шутами и скоморохами, присылаемыми из утопленного в крови Новгорода и из других областей России вместе с медведями – знали как любит царь травить людей дикими зверьми. Таких ужасов история знает не мало. Не хватит историку все их перечислить и все их вписать в обвинение, что бы представить Всевышнему для предания суду небесному. Не хватит чернил и не хватит бумаги!

Таков был царь, которого звали Иван Васильевич – просто и по-русски. Да, таков был наш царь и наши кромешники. И не стоит нам удивляться этому, что они наши и такие злодеи, могущие всех превзойти в мучительстве и злодействе. А мы, христиане правоверные, превзошли всех в терпении, ибо считали всегда, что власть государя есть власть божественная, полученная от Бога, и всякое сопротивление беззаконием влекло гнев небесный тиранством за грехи и ждали лишь умилоствления от тирана и не боялись смерти, искушаясь спасением для нас могуществом России. Считали, что повиновение есть сила государственная.

А так ли?

Пыхтение недовольных

Россия преподносит очередную свою жестокость – убит очередной оппозиционер к власти, Немцов Борис Ефимович, один из создателей партии ПАРНАС – партии народной свободы. Это случилось на Москворецком мосту, когда он со своей молодой спутницей в полночное время гулял по городу и от Красной площади по Васильевскому спуску к реке ступил на Москворецкий мост и направлялся на Болотную площадь. За ними кралась белая иномарка и, выбрав момент, водитель произвёл в спину политику 6 или 8 выстрелов в спину. Надо полагать, что Борис Ефимович умер сразу. Так описывают это убийство средства массовой информации.

Это случилось в ночь с 27 на 28 февраля 2015 года, ему было 55 лет.

Удивительно, как я мог предвосхитить смерть Бориса Ефимовича похожей трагедией моего героя не изданного романа, Дворковца Аркадия Вадимовича. Сможет ли поменять что либо эта трагедия в моём романе, думаю, что нет. Поразмыслив, я продолжаю.

1

Если я хочу написать книгу о сегодняшних событиях в России, то могу ли я предположить что меня ожидает? Могу ли я предположить, что моя затея – задача неисполнимая, ибо в событиях этих грандиознейшего масштаба трудно, наверное, разглядеть современнику правоту и справедливость с одной стороны и ложь и преступность с другой. Нет, я не могу, мне невозможно отстраниться от сегодняшнего времени и мыслями перебраться в будущее – я весь в эмоциях, под впечатлением сегодняшнего дня и я не поддаюсь иллюзиям.

Это одно.

Почти невозможно оценить происходящее из предоставленной информации путинской пропаганды и почти так же невозможно, если мы поверим украинской расхристанной национальной болтовне. Каждая из сторон болтает и не знает чем закончится противостояние, при этом дерутся так, будто с заклятым вековым врагом – жизни не жалеют, пролитой крови не меряют. А сейчас можно лишь гадать (и не угадать), как обернутся события в будущем – процветанием или катастрофой.

Это другое.

Для написания этой книги мне никто не был нужен. Я ни с кем не обсуждал события и никого не слушал. Я думал

о происходящем, я видел власть и её отношение к событиям и видел, что власть опасна, она причастна и либо молчит и, кажется, что тупо, либо ссылается на демократию.

Так же тупо.

Бледное ленинградское солнце грело землю под окнами дома и с трудом выгоняло на свет восходы из луковиц пионов и георгинов. Роз не сажали даже чайных – не приживались. А что расцветало своим цветом, махровые пионы и яркие с унылостью георгины, несли на рынок или куда поближе, где много людей – к магазинам, и продавали молодым мамам для дочек и сыночков и бабушкам для внучат – букеты к началу учебного года, обремененными радостным удовольствием нести букетную местную флору учителям в доказательство любви за получение обязательных школьных знаний.

Белобрысый мальчик, маленький и худенький лет восьми, свешивлся из окна второго этажа дома по адресу Басков переулок дом 12 и вслушивался в разговор девочек постарше, лет двенадцати, усевшихся под окнами дома на лавочке. Поначалу мальчику был интересен разговор девочек: о чём же могли болтать взрослые девочки? Но, прислушавшись, он услышал совсем незнакомые слова, какие то шипящие да протяжные, словно поющие – с-шшш-а, о-о-о-н. И застыдившись умных девочек, мальчик спрятался от них за занавеску, но подслушивать не переставал.

Но в это время небо над городом потемнело и девочки

переменяли разговор в тиши после сумеречного потемнения до шёпота. Многие из девочек верили в русалок, водяных, леших, кикимор, домовых, оборотней и не только верили, но даже всю эту нечисть видели собственными глазами. А про незнакомые слова забыли – непогода вмешалась.

А над городом чернело опускающееся тучами небо. Становилось всё ниже, клубилось и бежало непонятно куда. Но всё несло над головой грозно и мимо людей и всего города. И в этом беге и кружении чёрных туч вспыхивали голубые зарницы, бесшумно и ослепительно, но гром не гремел и не пролилось ни капли дождя.

Девочкам было жутко в такую непогоду, а мальчику было любопытно наблюдать за бесстрашными и умными девочками и когда девочки с криком сорвались с места и бросились по домам, мальчику сделалось уныло и он захлопнул окно – на пустынных улицах не было ни души.

Потом мальчик несколько вытянулся в росте, но всё равно остался низкорослым человеком, хотя ой как многого добился в жизни – судьба была к нему чрезвычайно благосклонна под гром и зарницы в ленинградском небе. Он возростал и матерел.

Мальчика звали Витя. В школе он себя ничем не проявил, учился ни шатко ни валко – не стеснялся своей усреднённости, но его тянуло к мальчикам заметным, они как бы сами появлялись ему на глаза и он цеплялся за них как репей за собачий хвост. Тешил себя надеждой в своей взрос-

лой жизни достичь завидных успехов лётчика, моряка или разведчика. Он не бредил на этом поприще, просто хотел быть в очередь то тем, то этим и, наконец, уже по окончании школы решился войти в двери ленинградского Управления Комитета государственной безопасности и заявить о своей мечте. И после этого посещения он исправно получал советы и наставления от серьёзных людей и был серьёзен в отношениях со своими наставниками. Прежде чем стать разведчиком, говорили ему наставники, ты, Володя, должен получить серьёзное образование и ты, Володя, должен быть крепким в здоровье человеком, заниматься спортом и иметь высшие спортивные звания. Ты должен следить за своим здоровьем, прибегая к здоровому образу жизни и к повышенным требованиям санитарии. У тебя должны быть здоровые зубы, здоровый желудок, здоровый кишечник, здоровая двенадцатиперстная кишка, здоровые лёгкие, здоровое зрение и здоровый слух – всё это как у орла. Следи за артериальным давлением, за своим настроением, аппетитом и функцией мочеполовой системы.

И по совету из Большого Серого Дома Вова после окончания школы поступил на юридический факультет Ленинградского государственного университета. И тут же получил что то вроде внештатного служебного задания: слушать. Слушать везде и слушать всех. Преподавателей на лекциях, в отношениях со студентами, в личных отношениях между собой и в отношениях со знакомыми и незнакомыми людьми,

если случай такой представится. Слушать студентов в отношениях с друзьями, на вечеринках, на лекциях, на отдыхе, в общечитии, интересоваться их интимными связями или наклонностями, материальным положением. Слушать своих соседей, знакомых и незнакомых, слушать случайных людей. После чего делиться услышанным в своих отчётах раз в месяц.

Так или иначе, с первого своего отчёта, да что там! – с согласия исполнять слежку за людьми Вова, стал внештатным сотрудником КГБ, или попросту сексотом КГБ.

За этим занятием он и закончил институт. А потом была учёба в Москве в школе КГБ и закончив её, он смог считать себя настоящим разведчиком. Но он видел себя неуловимым шпионом за границей. Но не подходил для такой работы, он был холост. И нужно было жениться.

И как только был заверен начальниками, что это единственная причина, мешающая ему пожить в ГДР, то сразу начал подыскивать себе жену.

А может было всё наоборот. В семье никто никого не предупреждал о безнравственной жизни мужа и отца. Жену всё устраивало, как безответную овцу, а детям, пока росли, было не понять родительского воспитания поначалу, да и кто что объяснял, если и сами они не хотели иного воспитания – никакого. Так и жили на свете.

2

Президенты России – плод исторической геной инженерии от Византии. Сложная механика, необъяснима. Куда заложена эта память на века?

В какие отделы головного мозга? Наука этим не обеспокоена, нам остаётся только предполагать и выдумывать – византийский приобретённый характер – это что то из области фантастики. Едва ли наши цари, даже если предположить унаследование этого характера от императора Константина, то едва ли действуют на основании именно научных знаний о геной инженерии. Каждому и в голову не придёт разобраться со своим характером и найти в нём что то этакое, византийское. И не задумываясь оправдают себя в любом действии и поступке: Как я поступил гениально! А сам поступок или само действие состояло в том, что бы обмануть, обхитрить, наобещать, оболгать и не выполнить обещанного, Одним словом ограбить.

В отличии от царей с невыясненным византийским характером, у нас были ещё цари, опять же предположительно, с характером Рюрика. Столетия шлифовалась династия и была отброшена в сторону смутой в историческом времени – а уж новые цари с их демократией и справедливостью привнесли в жизнь одну галимую ложь, бестолковщину и дилетантство, чему учиться и наследовать было не надо – дура-

ки сами рождались – поливай – не поливай. Эти неизвестные люди начали учить других. Ни у кого из них не хватило естественного любопытства спросить себя: кто я? Ведь не медведь из сибирских лесов? Оказалось не медведь прародитель. А простой крестьянин из тверских поселений и окружение оказалось из крестьян в большинстве. Но среди них оказалось столько «умных людей» и столько воря почти одновременно!

– Так полюбопытствуй о своей родословной, – сказал я себе. – Где? У кого? У меня сохранилась родословная моей «Айзы» и я счастлив за неё, но она к сожалению не знает кто она, не знает своего происхождения и не знает моего счастья от её внешнего вида и от общения с ней и если увижу её фотографию и фотографию её деда или прозвучит гордое «Абирон Айза», то я гордо добавляю всем: моя «Айза» не косолапый медведь, а «Абирон Айза Владиировна»! Хотел бы дать ей и своё имя собаке. Но не принято! И её имя условно и лишь для меня.

А что касается моей родословной, то мне ничего не известно за исключением происхождения фамилии.

– Ну ка, ну ка. С этого места поподробнее. – заинтересовался мой друг Вячеслав Хаскильевич Розенбаум.

– Заметь, все мы крестьянского роду-племени, славянского какого-нибудь племени вперемежку с заволжскими племенами, с мордвой или с коми или нельзя исключить другое племя за Волгой у Нижнего Новгорода, Костромы или Яро-

славля, то есть ближе к Ипатьевскому монастырю, где славяне встретили нашествие поляков в смуту, не очень обременённое нашествие в связи с некоторой отдалённостью от основных исторических событий, связанных с Лжедмитрием и Смутой. Эту польскую дружину, наведовавшуюся к славянам как раз напротив Ипатьевского монастыря, славяне перебили, а оставшуюся их часть пришлось им принять в свою общину и стали поневоле с ними общаться. И, в результате этого общения, поляков стали называть крулями на манер их короля – круль, по-польски король. Со временем это слово трансформировалось в слово Хруль. Отсюда Хрулёв. Так что мне с этого, если я польский круль, не король же в реальности, а всего лишь крестьянин. Не радоваться и не огорчаться нет мне оснований.

Тихо и спокойно было мне в зеленоватом сумраке ванной, насыщенной бадузаном. А ещё на полке стояли кармазин, шипр, «Кармен», «Красный мак», тройной одеколон, «Красная Москва», «Серебристый ландыш». Ветвистые водоросли воспоминаний спрятали меня от событий на Украине, разволновали и обеспокоили за дочь и её семью со всеми домочадцами. Все эти склянки растрогали воспоминаниями и я оказался согретым пенной горячей водой, этими пузырьками из той жизни. Мне их подарила сестра перед самой своей смертью, которую не угадаешь, если это скоротечный рак. И я довольствуюсь ими, созерцая на полке.

По поводу событий на Украине я звоню в Донецк или ча-

ще звонит дочь мне в Алдан и узнаю, что Россия со своим Президентом опять предала.

Люди на Украине уже не ждут помощи от соседей, никакой помощи. Не печально ли? Опять предатели. Как в Югославии, как в Африке, как со своей подлодкой «Курск». Мы, славяне и мы предатели? А вот так. Мы доведены умелой рукой до такого состояния. Тяжело сознавать, но, видимо, легко помалкивать или изображать из себя патриотов в дешёвых ШОУ-программах или кричать в пустоту: или мы не русские!

Прабабка моей дочери в период всенародной критики Иосифа Виссарионовича Сталина соглашалась с такой критикой, но очень ограниченно – да, у вождя были преступные ошибки, но на положение Советского Союза они никак не сказались, когда остановил желание многих генералов и маршалов позволить себе танковую атаку до Атлантики, то есть завоевать всю Европу. А нам сейчас кажется, что не мог вождь удумать такого – предусмотрителен был. И маршал Жуков свидетелем этому. Прабабка дочери была из того активного поколения советской молодёжи, символом которой были прядильщица Валентина Гаганова, лётчица Валентина Гризодубова, трактористка Паша Ангелина. Советские женщины тех времён были гладиаторами труда, они умели, как гладиаторы владеть всем: и трезубцем, и клинком, и сетью, так и наши женщины – были успешными в авиации, во флоте, становились звёздами труда в промышленности, в культу-

ре, в сельском хозяйстве, в дипломатии, и во власти. Но только как исключение и в пропагандистских целях. И сейчас ни на высоких постах, ни в армии, ни на дипломатической службе, ни в правительстве женщин практически нет. Они в большинстве там, где тяжёлый труд – в текстильной промышленности, в дорожном строительстве. А если не трудом заняты, то там, где лучше не вспоминать. И не упоминать это занятие за труд.

3

Хвойный лес России, если ослабевает в своём росте по какой – либо причине, то в нём, естественно, появляются прогалины, поляны, зарастающие обильно травой, цветами и ягодами. Такие лесные проплешины собирают в себя разного рода нечисть, требующая к себе особого отношения. Тогда люди и колют овец, тёлочек, жеребят, пьянствуют и пьяными поют и пляшут. Другого применения этим лесным полянам дикие люди не могли придумать. Пошумят, поломаются, обманут совесть и разойдутся по своим лесным в реальности норам – трущобам, что бы не сердить, не беспокоить своего бога.

Дикое славянство едва ли кого заинтересует. И если летописи шестого века изображают славян крайне жестокими людьми, то откуда жестокость у народа, если не от пребывания его в дикости, когда этот народ мог существовать только в диких лесных (к примеру) местностях и не видел перед собой не только цивилизации, но и сколько-нибудь приемливого варварства. Перед глазами дикого славянина постоянно виделся дремучий лес: это и на Днепре, на Оке, на Мещёре, в Ветлужских лесах, на Верхней волге; и на севере: на Двине, на Ладого, на берегах Ильменя. А в этих диких дремучих лесах жили медведи, требующие от славян достойного противостояния и не менее опасные туры. Такая среда

обитания плюс постоянный лесной сумрак делают и славянина сумрачным диким человеком и все его сказочные герои из древности не имеют доброты. Лес, жилище славянина, его среда обитания, не может подсказать не может навеять ничего солнечного, лучезарного. И живут они в своих лесах. как дикие звери, в жилищах похожих на звериные норы и быт их не человеческий, а звериный, в своих расправах и ссорах убивают друг друга, семейных браков не знают, целомудрия не знают, жён и девушек похищают, живут в многожёнстве и многомужестве. Их хижины бедны и убоги. Особо наглядны своей жизнью племена древлян, северян, радимичей и вятичей. Из этих племенных исключений дикого быта может быть названо лишь одно племя полян. Поляне жили по среднему течению Днепра, были кротки и тихи, добродушны и не злобивы, никак не похожи на кривичей или древлян.

Все народы, в том числе народы языческой культуры, оберегают свою веру как могут, видя в ней наследие своих отцов и самые грубые её проявления и сама жестокость не кажутся им таковой, напротив, она так же освящена памятью. И славяне отвергали христианство в течение многих столетий. Задолго до Ольги и Владимира в христианство славян хотели обратить немецкие проповедники, но устрашённые их дикостью, отказались от этой мысли. И с другой стороны, славяне ненавидели христиан и христианство и прекращали торговые связи с ними, а священников христиан приносили

в жертву своим идолам.

Но это, конечно, до поры.

Садилось вечернее солнце, наводя сумрак в душе. Земля Киевская казалась громадной, необъятной, грустной и необъяснимой, вся погруженная в тяжёлую думу о своей участи. Над всадницей нависла тяжёлая молчаливая туча.

Только за Днепром отсвечивает край неба лучами занимающейся зари. Дальняя степь, обвеянная синеватой мглой, казалось, расплавлялась в истоме. Лёгкий ветерок лениво шевелил густые травы и пестревшими в них головками разноцветных цветов. Если бы и Игорь был сейчас в седле, то его лошади стоило повернуть голову, что бы не нагибаясь срывать пучки травы. А небольшие озёрки, точно осколки неба упали на землю. И от всей этой красоты становилось печально. Казалось всё это пространство пустынной степи тоскует о чём то далёком и неясном, истомившись в лете. Только Правитель Олег да сам Князь Игорь были не обеспокоены ничем, уверены во всём. Для Олега вообще было несвойственно обращаться к раздумьям, сквозь него не проступала ни прошедшая молодость, ни установившаяся старость. Глаза успели выцвести и полинять на солнце и в непогоды. Но они были, всё таки, заметны на его лице и приглядевшись можно было заметить в них доброту и даже лукавство.

А Олег прославился отважными завоеваниями, к тому же многие варяги, прослышав ранее о завоеваниях Рюрика,

присоединились к Олегу и Олег покорил кривичей с их городом Смоленском и тут же ему покорились северяне. Но желания нового завоевателя славянских земель простирались дальше. Слух о независимой Державе Аскольда и Дира давно дошёл до Олега, но ему не хотелось открыто бороться с единоплеменниками. И он решил применить хитрость и коварство. Оставив позади войско, Олег с юным Игорем и с немногими дружинниками приплыл под днепровские кручи возле Киева и объявил Киевским Государям, что варяжские купцы хотят видеть их как друзей и соотечественников. Аскольд и Дир поспешили на берег. И воины Олега в мгновение ока окружили их. А Правитель Олег сказал им: Вы не Князь и не знаменитого роду, но я – Князь! И показав на сына Рюрика добавил: Вот сын Рюриков! С этими словами Аскольд и Дир пали мёртвыми под ударами мечей к ногам Олега. И Олег, как победитель, обagrённый кровью невинных Князей, вошёл в Киев, а устрaшённые жители совершённым преступлением и сильным войском признали в нём своего Государя. Тем и была создана единая Монархия севера и юга славян – Киевская Русь, куда была привезена Ольга невестой для Игоря, сына Рюрика.

4

Когда совершается террористический акт, за его проведение и результат кто-нибудь отвечает, то есть берёт ответственность на себя, иначе террористический акт теряет всякий смысл и действие приобретает как просто криминал в виде устрашения, либо требования, либо политического давления. В России никто и никогда не берёт и не брал на себя ответственности за проведённый теракт. Что же за такие террористы в России глупые и трусливые.

Представьте себе, читатель, тех террористов, кто ответственен за проведение акта против жизни следующих наших граждан, Ведь неплохие были люди, эти наши граждане.

Но сразу же: не было никаких автомобилей белого цвета марки «Форд», а была отечественная «Лада» и не белого цвета. А скорее серого (так комментируют специалисты), поскольку белого цвета машин по такой погоде в Москве не найти и мимо уличного регистратора проехала такая машина в предполагаемое время преступления.

Одна из главных российских (московских) тайн, казалось бы – как умудряются простые секретарши при месячной зарплате в сто – двести долларов щеголять в итальянских сапожках за эту её зарплату. И если такая женщина,

пардон, девушка не российская гражданка, а украинская модель, приехавшая к Борису пройтись вместе по Красной площади и по Москворецкому мосту и на ней были надеты итальянские сапожки, а убийца был ревнителем этой девушки, то откуда чеченские номера на автомобиле, на котором он скрылся. Вот откуда все эти версии: девушка именно с Украины, автомобиль именно с чеченскими номерами, а у девушки был влюблённый ухажор. Думайте. А мы ещё не знаем результат обыска на квартире Немцова. Может на жёстком диске нашли итоговый доклад политика «Война»? Но не сообщается ничего об этой находке, может читают внимательно, что бы оценить насколько был опасен оппозиционер. Ведь не зря резко изменилось к нему отношение, уже убитому и не опасному сразу же на следующий день после убийства. Он уже враг.

В стране, где издавна бытовал зов к социальной революции, к бунту, то социальная революция много ли принесла народу? Не знаю кто радовался, но свободы не принесла хоть сколько-нибудь. В принципе, социальная революция, пришедшая к нам с Запада, может называться революцией – пусть так, я не возражаю, но она, по существу стала гробовщиком только что зародившейся оппозиции. Может мы радовались не той революции?

Но мы другой революции не знаем – только кровавый бунт и гражданскую войну.

Оппозиция, конечно, народилась от противников режи-

ма – от кого же она могла родиться. Режим, засевавший в парламенте, сообразил, что с ним, с режимом, трудно бороться парламентскими методами, да что там – невозможно стать победителем. Поэтому путинский режим за парламентское общение со всей и всякой оппозицией. И режим причесал оппозицию, побрил и помыл. И назвал эту оппозицию парламентской, то есть системной. А кто не в парламенте, те не системная оппозиция в отличие от системной.

Я очень хорошо помню Красную площадь. Москворецкий мост в прямой видимости от площади. Там случился расстрел оппозиционера и под стенами, можно сказать, Кремля, резиденции президента

НЕ помню стихов Евгения Евтушенко об этой площади. Помнится, что они назывались, кажется, «220 шагов». И напечатаны были в «Правде», кажется, по случаю смерти Иосифа Виссарионовича Сталина. Но меня поправили мои читатели и подсказали, что не «220», а «210» шагов называлось стихотворение и написал его не Евгений Евтушенко, а Роберт Рождественский. Об этом возможно уже не помнит и сам Евтушенко, А Роберта, увы, уже нет в живых, но стихи были и почти точно от кого из них, поэтов более, чем известных к концу пятидесятых прошлого столетия и равных среди равных своим друзьям и критикам, которые как и сами поэты были молоды и дерзки. Кто из них был более дерзок, я, конечно, знать не мог. Да и никто в стране этого не знал.

Знали одно, что эта компания инакомыслящих, почти диссидентов. Конфликтует со всем и со всеми, кто не любит Запад, кто не любит западную моду и западные кинофильмы, кто не курит иностранные сигареты, и не пьёт виски, но зато у них в моде польские фильмы и болгарские сигареты и русская водка, в другом случае портвейн 777 – верх патриотической развращённости какогонибудь студента из МГУ, отчисленного за падение социалистических нравов с последнего курса обучения.

Так «220 шагов» я слышу как читал их Е. Евтушенко и не боюсь ошибиться. Его голос, его голос. От Спасской башни до Мавзолея расстояние в 220 шагов, как говорит поэт. В нашей паре с Сашей Скрибуновым было всегда чуть меньше, но никогда ровно 220. Так же и в других парах – или чуть больше или чуть меньше.

Но кто то эту цифру назвал и назвал правильно. Маленькой ошибкой можно пренебречь. 220 – это ориентир из 53 года, а может ещё раньше – из двадцатых годов, вдруг зачёркнутый по чьей то чёрной воле. Безвластно, но по воле. Как это?

Бьют куранты. Я близко к воротам Спасской башни, начинаю идти. Нам с Сашей Скрибуновым на весь путь отведено менее трёх минут. Поэт мог бы этот скорбный и величественный путь назвать «три минуты» и так же был бы точен. 220 шагов и 3 минуты находятся в этом случае в сопряжении: 220 шагов исчисляются по выходу из Спасской баш-

ни, начало от 14 корпуса под курантами – не засчитывается. Мы смотрим на часы снизу и только нам известно – время пошло, так как стрелки не дают точности, их положение на нашем предчувствии. Переступаю через бордюр и словно идём. Я помню как записывался наш шаг. Утром, в сухую погоду, в безмолвии площади – к этому готовились не один день и были перепробованы не одна пара. У кинематографистов прошла наша запись и мы с Сашей были безмерно рады и горды как герои. А сейчас я шёл и видел перед собой своего напарника и через его плечо дядю Мишу – милиционера, уже приготовившего для нас подход к Мавзолею у его калитки, где особо кучно размещается народ посмотреть легендарную смену караула.

В реальности подхожу к калитке, тихо почти крадучись. Народу почти никого, дяди Миши нет, говорят, что умер милиционер как сняли караул. Осматриваюсь, ищу перемен. И не нахожу. Всё так же лежит резиновая рифлёная дорожка от калитки к незаметно приоткрытым дверям, нет ковриков под ноги часовым, нет сигнализации на шнуре для часового слева. Но правая дверь Мавзолея приоткрыта и там непременно должен находится дежурный по Мавзолею, если не сам Комендант. Всё так же, но нет часовых!

А я уже на своём месте – справа и смотрю на Сашу: неужели снова расчихается или неужели снова жары не выдержит и придётся вызывать офицера и приводить Сашу в порядок. Через две – три минуты Саша в порядке: умылся, что то по-

нюхал что дал офицер и никто даже не заметил произошедшего на посту №1. А из-за ГУМа давно жарит солнце, но ещё полчаса стоять.

К тому же сегодня доступ в Мавзолей. Мы уйдём, сменившись, допустим Незовибатькой – Басаевым и вернёмся сюда через час. Что бы услышать за калиткой о нас всякие сказки или увидеть удивлённые лица: это не солдаты, это специально подобранные лица. Редко, но земляки и землячки узнавая не узнают. Проходят мимо. Опускают глаза и не оглядываясь спускаются по лестнице в глубь траурного зала.

Что бы не закрадывалось что то нехорошее по поводу фамилий, то Басаев – это ивановец, а Незовибатько – воронежец.

Но в Москве есть одно место, где мне не тревожно, где дышится в сердечном спокойствии, где не встретишь холодных или пренебрежительных взглядов, которые так и называются среди знатоков, взглядов на испуг; их таких пугающих не встретишь, когда ранним прохладным утром идёшь от площади Дзержинского (Лубянской площади) по улице 25 октября (по Никольской) и ожидаемо выходишь на Красную площадь перед Никольской башней Кремля, едва не тронув плечом здание Исторического музея.

Красная площадь с утра ещё пуста. Люди забывают её с открытием ГУМа от самого слияния площади с Никольской до громадины Василия Блаженного, подмявшего под себя ту дальнюю часть площади, где под его тяжестью осела земля,

образовав спуск к реке Москве и сам Кремль покривился своими стенами к берегам реки.

В другой день, когда не так рано, можно увидеть вереницу людей непрерывной змеёй вползающее в Мавзолей. Но стоп! Этого уже нет! Уже нет тех притихших людей, которые подходят к Троицкой башне в Александровском саду и нескончаемо идут к Мавзолею. Но сей час всё не так. Я уже не нахожу того милиционера, к которому подойду и скажу просто, не ожидая отказа: Я из 1005, разреши встать в очередь, дружище, я проездом. Я уже не услышу уважительное: давай, давай. Всё это и здесь кончилось.

Что то не то и что то не так.

По НТВ пытались объяснить какие то странные случаи из жизни людей, как один единственный факт их жизни повлиял на дальнейшую жизнь страшными болезнями.

Вот корреспондент ТВ идёт по Красной площади впереди странного расхристанного человека, который то ли плачет, то ли воет, подходит к трибунам и садится на трибунный блок, и поджимая под себя ноги, показывает икроножную, мышцу изъеденную язвой. Фамилия его ПОРШНЕВ, он уже не молод и, видимо, не уравновешен, он жалуется на свою жизнь, что болезнь его мучает с начала шестидесятых годов. Я припомнил его сразу, когда голос его зазвучал за кадром. Я узнал его по голосу.

Самый конец октября 1961года, Поршневу оставалось служить ещё ровно год, а сейчас, 31 октября 1961 года, демо-

билизуются и разъезжаются по домам призывники 1958 года призыва по разным городам России. Иваново, Ярославль, Кострома, Тула, Рязань, Воронеж, Ленинград, Саратов, Куйбышев, Горький, Владимир, Свердловск, Челябинск. В часы и минуты демобилизации Поршнев на службе, на выносе тела Иосифа Виссарионовича Сталина из Мавзолея и захоронении его в могиле за Мавзолеем рядом с захоронениями с другими нашими руководителями партии и Государства. Голос за кадром говорит, что гроб с телом полководца и вождя не может опуститься и лечь в могиле свободно – могила вырыта тесной, то ли по длине, то ли по ширине. Примета не хорошая. Разве не может вселить такая примета смуту в сердца людей. Может. И мы по этой примете узнаём новое Смутное время.

Что делал, какую функцию исполнял при этой церемонии кремлёвец Поршнев сказано не было и мне нечего что либо разъяснить по этому поводу, да это и не столь важно сей час. Но из слов за кадром, мы знаем, что Поршнев получил от какого то генерала, присутствующего на церемонии встать на крышку гроба и осадить гроб в могилу ногами на означенное для генералиссимуса место только что состоявшимся партийным съездом. И Поршнев не ослушался генерала, ступил на крышку гроба, произвёл несколько усилий и гроб превозмог могильное сопротивление.

И тогда поступок Поршнева вызвал бы у многих крем-

лёвцев осуждение, а может и вызвал, не знаю. Ведь действительно, поступок кощунственный, безбожный и пренебрежительный к Великому человеку, да и глумливый над вождём не по-человечески.

И вообще что это такое? Ужасные скорбные дни, из ожидания перемен и с проклятиями, со слезами похороны вождя в 1953 году. И скорое, наспех перезахоронение 1961 года.

Вот она, цитадель власти. Кто там в ней? Вожди? Депутаты. Всё смешалось и до сих пор не устоялось в Смуте.

У калитки Мавзолея нет милиционера дяди Миши, встречающего и провожающего караул восхищённым взглядом. У дверей Мавзолея не стоят часовые, кто то лишил почёта оставшегося в нём В. И. Ленина, кто то определяет иные ценности советскому человеку – без Мавзолея, без Ленина и Сталина, без Красного знамени, без КПСС, без Героев социалистического труда, без этого Мавзолея и без Колумбария в Кремлёвской стене. И нет ненужных ковриков под ноги часовым и не заметна кнопка тревожного звонка у левой двери при входе. Всё это малозаметные атрибуты первого поста караула №2. Их больше нет и не будет, видимо.

Но правая дверь в Мавзолей приоткрыта как и прежде. Я знаю, там дежурный офицер. И всё та же резиновая рифлёная дорожка покрывает путь от калитки до дверей. И во всё это втиснута пустота и никчемность перемен.

Но мне вспоминается площадь не парадами и демонстрациями трудящихся, а протестами против власти и даже выстрелами по Мавзолею, где на его трибуне власть расположилась приветствовать трудящийся народ приветственными взмахами рук и улыбками, начинёнными пренебрежением.

Но и время ликования не прошло мимо площади. И было это время действительного ликования народа – Победа в мае 1945 года и вернувшийся из космоса Гагарин в 1961 году. Эти даты равнозначны для советского человека. Таких знаменательных дат вы не найдёте у иной российской власти – только у них, у Иосифа Виссарионовича Сталина и у Никиты Сергеевича Хрущёва. В иные времена чем памятна площадь? Вспомните. И приходит на память гражданин, приехавший из Ленинграда (Петербурга) приковал себя за мошонку к брусчатке на мостовой, гражданин поджёг себя и сгорел на виду у милиции и туристов на площади, Борис Ефимович Немцов последний в жизни раз прошёлся по Красной площади и был убит на Москворецком мосту. Это убийство смог бы рассмотреть из своего кабинета в Кремле Президент Российской Федерации.

Как то утром, в середине лета, Игорь проснувшись в своём тереме на византийских подушках, решил поторопить Правителя с отъездом в Псков. Но Олег уже был на конюшне и придиричиво осматривал лошадей и сам был одет по походному, в кольчуге и латах, но на голове был одет позолоченный шлем, последний подарок Императора, а на плечах то же подарок из Византии что то вроде плаща славянского, только из дорогой невиданной ткани, и скрепляющей эту ткань броского красного цвета – брошь, о цене которой страшно было подумать.

– Князь, ты собрался в отъезд, а мне не сообщил. – сказал Игорь. Он называл Правителя и своего воспитателя Князем, ему было так удобно, ибо он устранился называть Олега как то по другому, например, тем же Правителем ли тем же воспитателем.

– Сын мой! – торжественно ответил Олег. – Я собрался в Псков за невестой твоей, что бы привести её в Киев тебе в жёны. Я долго думал над этим и думаю поступаю правильно, ибо в окружных землях – княжествах не найдётся более достойной девицы, чем та, которую я избрал для тебя, исполняя волю Рюрика. И ты смириь с моим выбором, ибо я, как и ты, исполняю волю его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.